

УДК / UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2025_5_47

ТАЙНА ИЛИ НЕТ: К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ НОТАРИУСОВ И АДВОКАТОВ В «АНТИОТМЫВОЧНОЙ» ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Руф Владислав Сергеевич

Студент Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0009-0005-5059-9570, e-mail: ruf.vlad-1988@yandex.ru.

В силу международных рекомендаций ФАТФ по борьбе с отмыванием доходов и финансированием терроризма участниками «антиотмывочной» деятельности являются адвокаты и нотариусы, однако конкретный круг их обязанностей в этой сфере определяется на национальном уровне с учетом режима конфиденциальности сведений, полученных ими в процессе осуществления профессиональной деятельности. В 2024 г. был принят Федеральный закон № 222-ФЗ, который расширяет круг обязанностей адвокатов и нотариусов в сфере ПОД/ФТ. Эти законодательные изменения вновь поднимают вопрос баланса между публичным интересом в борьбе с финансовыми преступлениями и частным интересом в сохранении тайны частной жизни. Введение новых обязанностей для адвокатов и нотариусов в сфере ПОД/ФТ ставит вопросы о правовых и этических границах их профессиональной деятельности. С одной стороны, эти специалисты обязаны выполнять рекомендации ФАТФ и тем самым способствовать борьбе с преступностью, с другой – они также должны защищать конфиденциальность информации, составляющей профессиональную тайну. В статье рассмотрены положения федеральных законов № 115-ФЗ и № 222-ФЗ, посвященные вопросам нотариальной и адвокатской тайн. Проведен анализ отраслевого и специального законодательства, регулирующего правовой режим указанных тайн. Сделаны выводы о коллизии двух правовых институтов, предложены пути их устранения.

Ключевые слова: ПОД/ФТ, конфиденциальная информация, профессиональная тайна, нотариальная тайна, адвокатская тайна, разглашение тайны

Для цитирования: Руф В. С. Тайна или нет: к вопросу об участии нотариусов и адвокатов в «антиотмывочной» деятельности // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 5. С. 47–54. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_5_47.

SECRECY OR NOT: ON THE ISSUE OF THE PARTICIPATION OF NOTARIES AND ADVOCATES IN «ANTI-LAUNDERING» ACTIVITIES

Ruf Vladislav

Student of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0009-0005-5059-9570, e-mail: ruf.vlad-1988@yandex.ru.

Due to the FATF's international recommendations on combating money laundering and terrorist financing, lawyers and notaries are participants in «anti-money laundering» activities, but their specific responsibilities in this area are determined at the national level, taking into account the confidentiality of information they receive in the course of their professional activities. In 2024, Federal Law № 222-FZ was adopted, which expands the responsibilities of lawyers and notaries in the field of AML/CFT. These legislative changes once again raise the question of the balance between the public interest in investigating economic crimes and the private interest in maintaining confidentiality of personal life. The introduction of new duties for lawyers and notaries in the field of AML/CFT raises questions about the legal and ethical boundaries of their professional activities. On the one hand, these specialists are required to comply with the FATF recommendations and thereby contribute to the fight against crime.

On the other hand, they must also protect the confidentiality of information that constitutes their professional secret. The article discusses the provisions of Federal Laws № 115-FZ and № 222-FZ on issues of notarial and attorney-client privilege. The analysis of the current industry and special legislation regulating the legal regime of these secrets is carried out. Conclusions are drawn about the conflict between the two legal institutions and ways to eliminate them are proposed.

Key words: AML/CFT, confidential information, professional secrecy, notarial secrecy, attorney's secret, disclosure of secrets

*For citation: Ruf V. (2025) Secrecy or not: on the issue of the participation of notaries and advocates in «anti-laundering» activities. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 47–54, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_5_47.*

Вместе со стремительным поступательным развитием общества стали появляться глобальные проблемы, развиваться новые формы преступности, носящие транснациональный характер, искоренение которых возможно только путем совместных усилий мирового сообщества. Так, в конце прошлого тысячелетия была создана Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (далее – ФАТФ) – международная организация, которая призвана создать эффективный механизм и стандарты осуществления различных (правовых, организационных, технических) мер по борьбе с отмыванием доходов, полученных преступным путем, финансированием терроризма, а также связанными с ними иными транснациональными преступлениями¹. В первый год своего существования ФАТФ были разработаны первые «Сорок рекомендаций»² (далее – Рекомендации) – акт, содержащий всеобъемлющую систему мер, направленных на борьбу с незаконными финансовыми потоками, который в последующие 30 лет существования организации был дополнен и значительно усовершенствован.

ФАТФ определен круг субъектов, которым настоятельно рекомендуется принимать участие в «антиотмывочной» деятельности, в том числе категории «установленных нефинансовых предприятий и профессий» (далее – УНФПП). Согласно пп. «d» рекомендации 22 и рекомендации 23 главы «В» Рекомендаций к указанной категории профессий относятся бухгалтеры, а также представители различных юридических специальностей, в том числе нотариусы и адвокаты, когда они готовят или совершают отдельные операции (сделки) для клиента, перечень которых определен в этих же нормах. Однако действительный круг отношений, затрагивающих участие этих субъектов в противодействии отмыванию доходов и финансированию терроризма (далее – ПОД/ФТ), подлежит установлению каждым государством на национальном уровне самостоятельно.

Во многом это объясняется тем, что в отношении информации, ставшей известной субъектам профессиональной юридической деятельности, в частности адвокатам и нотариусам, применяется режим конфиденциальности, пределы которого могут определяться исключительно на государственном уровне, ввиду особой конституционной и национальной значимости института информации ограниченного доступа в целом. Аналогичная позиция отражена в п. 2 пояснительной записки к рекомендации 23.

Так как в 2003 г. Российская Федерация стала полноправным членом ФАТФ³, уже в 2004 г. в законодательство о ПОД/ФТ были внесены дополнения, обязывающие адвокатов и нотариусов при наличии у них любых оснований полагать, что сделки или финансовые операции их клиентов осуществляются или могут быть осуществлены в целях легализации доходов, полученных преступным путем, или финансирования

¹ Пузырев С. А. Тенденции деятельности ФАТФ по противодействию угрозам глобальной финансовой системе // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 302. DOI: 10.24411/2414-3995-2020-10205.

² The FATF Recommendations. November. 2023. URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Fatf-recommendations.html> (дата обращения: 15.12.2024).

³ Международная группа финансовых действий по борьбе с отмыванием доходов (ФАТФ). 28 ноября 2005 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_organizations/drugie-finansovye-organizacii/1718627/ (дата обращения: 20.12.2024).

терроризма, уведомлять об этом Росфинмониторинг¹. Затем с усложнением общественных отношений, развитием ФАТФ и дополнением Рекомендаций в национальное законодательство также вносились изменения, которые распространили указанное требование на аудиторов, определили порядок взаимодействия УНФПП с уполномоченным органом².

В 2024 г. также был принят Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 222-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 222-ФЗ), расширяющий круг обязанностей адвокатов и нотариусов по участию в «антиотмывочной деятельности», идентификации клиентов и уведомлении Росфинмониторинга о подозрительных операциях, который вступил в силу 30 декабря 2024 г.

Указанные нормативные акты являются еще одним дополнением процедур, соответствующих международным стандартам ПОД/ФТ, а статус нотариусов и адвокатов в значительной степени начинает совпадать со статусом системных субъектов первичного финансового мониторинга³.

Тем не менее нововведения вновь затронули вопрос баланса публичного интереса в создании наиболее эффективного механизма ПОД/ФТ и искоренения финансовых преступлений и частного интереса, выраженного в сохранении тайны частной жизни физических лиц, составной частью которой является адвокатская тайна, и ведении дел юридических лиц, обратившихся к представителям профессионального юридического сообщества.

Примечательно, что предложенные изменения, как указывается в пояснительной записке к проекту ФЗ № 222-ФЗ, никаким образом не нарушают установленную законом Российской Федерации тайну, однако какие-либо комментарии по этому вопросу отсутствуют⁴.

Понятие и правовой режим профессиональной тайны

Сегодня в российском праве отсутствует единая точка зрения относительно сущности института тайн, тайны в целом и профессиональной (служебной) тайны в частности⁵.

Законодательное определение профессиональной тайны закреплено в ст. 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: это «информация, полученная гражданами (физическими лицами) при исполнении ими профессиональных обязанностей или организациями при осуществлении ими определенных видов деятельности». Норма также включает требование к защите информации, которое реализуется через законодательное закрепление обязанности указанных лиц обеспечивать конфиденциальность таких данных. Перечень сведений конфиденциального характера⁶, согласно которому к профессиональной тайне относится «информация, связанная с профессиональной деятельностью, доступ к которой ограничен Конституцией РФ или федеральным законодательством», также не дает содержательной конкретизации, а лишь определяет профессиональную тайну путем перечисления

¹ Федеральный закон от 28 июля 2004 г. № 88-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма“».

² См.: Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 112-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма“» и статью 13 Федерального закона „Об аудиторской деятельности“»; Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 33-ФЗ «О внесении изменений в статьи 7 и 71 Федерального закона „О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма“ и статьи 7 и 10 Федерального закона „О национальной платежной системе“» и др.

³ Дедиков С. В. Несистемные субъекты противозаконного контроля // Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 100.

⁴ Пояснительная записка от 27 октября 2023 г. к проекту федерального закона «О внесении изменений в статьи 71 и 8 Федерального закона „О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма“ и Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» // Система обеспечения законотворческой деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/471060-8> (дата обращения: 25.12.2024).

⁵ См.: Травников Н. О. Проблемы закрепления института служебной тайны в российской правовой системе // Российский юридический журнал. 2019. № 1. С. 103; Васильев В. А. Понятие и признаки профессиональной тайны // Вестник ННГУ. 2021. № 3. С. 65. DOI: 10.52452/19931778_2021_3_64.

⁶ Указ Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 (ред. от 13 июля 2015 г.) «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера».

ее отдельных видов: нотариальной, адвокатской, врачебной тайн. Такое определение позволяет говорить о крайне высокой степени абстракции профессиональной тайны, что в перспективе позволяет относить к ней любую информацию, ставшую известной субъектам профессиональной деятельности.

В качестве существенных признаков профессиональной тайны, исходя из нормативного содержания, следует выделять: 1) конфиденциальность; 2) закрепление таких сведений в качестве тайны и ответственности за ее разглашение отраслевым федеральным законом; 3) получение информации только при осуществлении профессиональной деятельности¹.

Примечательно, что из-за отсутствия полноценного законодательного регулирования института профессиональной тайны на системной основе предполагается, что режим конфиденциальности информации, составляющей указанную тайну, должен обеспечивать ее защиту в равной степени независимо от рода и вида деятельности, которую осуществляет тот или иной субъект профессиональной тайны. В связи с этим ввиду новых изменений в «антиотмывочное» законодательство значительный интерес вызывают вопросы правового регулирования доступа к информации, ставшей доступной при реализации своих профессиональных обязанностей нотариусам и адвокатам, так как первый является публичным лицом, совершающим нотариальные действия от имени государства, а второй – представителем частной профессии, который выступает от имени одной из сторон судебного процесса, но при этом уровень конфиденциальности информации одинаков.

Нотариальная тайна в условиях ПОД/ФТ

В Основах законодательства Российской Федерации о нотариате (далее – Основы)² отсутствует определение нотариальной тайны. Более того, в разных частях закона употребляются разные понятия: «профессиональная тайна» фигурирует в присяге нотариусов (ст. 14), «тайна совершения нотариального действия» – в ст. 16, 28 и 34.1, а сама «нотариальная тайна» упоминается только в ст. 19.2, распространяющей обязанность ее хранения на стажеров нотариусов. Очевидно, что перечисленные понятия являются синонимами, однако нотариальная тайна так же абстрактна и содержательно неустойчива, как и профессиональная тайна, в связи с чем в научной литературе до сих пор идет оживленная дискуссия о том, какие сведения необходимо относить к информации, составляющей нотариальную тайну³. Так, по мнению С. Н. Братановского, в содержание нотариальной тайны могут входить как персональные данные лица, так и информация, обладающая действительной или потенциальной коммерческой ценностью⁴. Схожего мнения придерживается О. В. Сычев, который отмечает, что «нотариальная тайна распространяется на любые сведения, ставшие известными нотариусу и иному субъекту в связи с осуществлением нотариальной деятельности (например, о личной жизни обратившегося гражданина и членах его семьи, о составе его имущества, предполагаемых действиях и т. д., представленные в устной или письменной форме)»⁵. С. П. Гришаев считает, что ст. 16 отраслевого законодательства устанавливает режим нотариальной тайны для всех сведений, которые становятся известными нотариусу и другим лицам, вовлеченным в его профессиональную деятельность, без каких-либо исключений⁶. Таким образом, под понятие нотариальной тайны подпадает информация как о личности клиентов, так и о предмете и особенностях операций, которая становится известной нотариусу при обращении к нему для получения исполнительной надписи или для удостоверения медиативного соглашения, которое при наличии на нем подписи нотариуса имеет силу исполнительного документа⁷.

¹ Васильев В. А. Указ. соч. С. 72.

² Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (ред. от 28 декабря 2024 г.).

³ Алехина О. М. Проблемы обеспечения нотариальной тайны и ее уголовно-правовой охраны // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 1. С. 10.

⁴ Братановский С. Н. Правовые режимы и соотношение служебной и профессиональной тайны // Гражданин и право. 2013. № 1. С. 22.

⁵ Сычев О. М. Институт нотариальной тайны не отменен! // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 7. С. 98.

⁶ Гришаев С. П. Право на неприкосновенность частной жизни // Гражданин и право. 2012. № 12. С. 20.

⁷ Часть 5 ст. 12 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

При этом, прибегая к услугам нотариусов, физические и юридические лица могут преследовать преступный интерес, направленный на придание законного характера денежным средствам, передаваемым за оказанные услуги, которые в действительности не предоставлялись. А сами схемы с использованием фиктивных исполнительных документов, в том числе выдаваемых нотариусами, в целях уклонения от исполнения требований в области ПОД/ФТ, являются проблемой, актуальной до сих пор¹.

В связи с этим на нотариусов Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее – ФЗ № 115-ФЗ) возложена обязанность при совершении указанных и иных нотариальных действий, имея любые основания полагать, что сделки или финансовые операции, предусмотренные п. 1 ст. 7.1 ФЗ № 115-ФЗ, производятся с целью отмывания доходов и финансирования терроризма, сообщать о таких сомнительных операциях в Росфинмониторинг.

Соответственно, до декабря 2024 г. на уровне федерального законодательства присутствовала коллизия норм, при которой на нотариуса как на несистемного участника «антиотмывочной» деятельности возложена обязанность по предоставлению информации, относящейся к нотариальной тайне в уполномоченный орган по финансовому мониторингу, в том время как в ч. 4 ст. 5 Основ, регламентирующей изъятие из режима нотариальной тайны, Росфинмониторинг отсутствовал.

Тем не менее в связи с принятием ФЗ № 222-ФЗ предоставление нотариусом сведений (документов) о совершенной исполнительной надписи и об удостоверенном медиативном соглашении в уполномоченный орган по финансовому мониторингу перестало считаться формальным нарушением конфиденциальности нотариальной тайны в соответствии с отраслевым законом. Более того, в целях минимизации совершения нотариальных действий, в перспективе способствующих финансовому преступлению, нотариусов отдельным федеральным законом обязали проводить дополнительную проверку подлинности займов клиентов, обратившихся за совершением исполнительной надписи или удостоверением медиативного соглашения по факту займа, наделив нотариуса правом получать соответствующие расчетные документы из кредитных организаций самостоятельно².

В свою очередь, работники Росфинмониторинга при исполнении своих должностных обязанностей также должны хранить нотариальную тайну, раз было установлено изъятие из нее на уровне отраслевого закона в целях сохранения режима конфиденциальности (п. 6 ст. 8 ФЗ № 115-ФЗ). При этом предоставление нотариусами в уполномоченный орган информации, предусмотренной ст. 7.1 ФЗ № 115-ФЗ, не является разглашением нотариальной тайны в силу прямого предписания абз. 2 п. 5 этой же статьи.

Таким образом, законодательство о ПОД/ФТ и основы законодательства о нотариате смогли прийти в относительное взаимное соответствие, что на практике позволит избежать возникновения конфликтных ситуаций на почве обеспечения конфиденциальности нотариальной тайны и в перспективе снизить уровень финансовых преступлений.

Адвокатская тайна в условиях ПОД/ФТ

В отличие от нотариальной тайны, понятие адвокатской тайны прямо закреплено в ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22 апреля 2024 г.) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 63-ФЗ), согласно которой под ней понимаются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю. Однако категория адвокатской тайны также обладает крайне широкой степенью абстрактности, учитывая то, что режим конфиденциальности не может носить абсолютный количественный характер,

¹ Баландин А. А. Особенности управления рисками в сфере ПОД и ФТ: правовые проблемы, возникающие при исполнении нотариусами требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма // Обществознание и социальная психология. 2022. № 12-2 (42). С. 596.

² Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 234-ФЗ «О внесении изменений в статьи 59.1 и 91.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате».

в противном случае адвокат не мог бы взаимодействовать ни с каким другим государственным, муниципальным или саморегулируемым органом и организацией.

Проблему законодательного противоречия норм ФЗ № 115-ФЗ и ФЗ № 63-ФЗ в научной литературе, посвященной исследованиям правовой природы, назначения и содержания адвокатской тайны, называют одной из самых существенных и серьезных в настоящее время¹. Коллизия кроется в положениях п. 1 и абз. 1 п. 5 ст. 7.1 ФЗ № 115-ФЗ, согласно которым адвокаты обязаны уведомлять Росфинмониторинг о подозрительных сделках или финансовых операциях клиентов, а также о заморозке их активов, в случае если есть подозрения, что они осуществляются или могут быть осуществлены в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма (п. 1), за исключением ситуаций, когда указанная информация относится к категории адвокатской тайны (п. 5), под которой, как отмечалось ранее, понимаются любые сведения.

В научной литературе с момента первого внесения требований к адвокатам по участию в «антиотмывочной» деятельности в 2004 г. высказываются два мнения: 1) о необходимости ограничить вмешательство государства в адвокатскую деятельность и недопустимости подмены профессиональной юридической помощи «доносительством» на своих клиентов² и 2) об обязанности адвокатского сообщества принимать меры по противодействию легализации (отмыванию) доходов и финансированию терроризма как наиболее опасным видам преступности, в том числе путем активного взаимодействия с Росфинмониторингом³.

ФЗ № 222-ФЗ не только не решает указанную коллизию между функционирующими параллельно правовыми институтами, но и вносит большую неясность в нормативно-правовое регулирование. В действующей редакции ФЗ № 115-ФЗ сохраняется логическое противоречие между п. 1 и п. 5 ст. 7.1, однако теперь, помимо прочего, к обязанностям работников уполномоченного органа по финансовому мониторингу относится сохранение адвокатской тайны.

Таким образом, законодатель, указывая на то, что сведения, содержащие адвокатскую тайну, в силу абз. 1 п. 5 ст. 7.1 передаваться в Росфинмониторинг не должны, одновременно наделяет работников органа правовым статусом субъекта этой профессиональной тайны. Соответственно, в таком случае предоставление адвокатами данных в Росфинмониторинг не является нарушением конфиденциальности такой информации как тайны. А значит, абз. 1 п. 5 ст. 7.1 не создает изъятий из общего правила и содержательно становится «мертвой» нормой. То есть нововведения в ФЗ № 115-ФЗ не устранили внутренних противоречий, касающихся возможности и порядка участия адвокатов в «антиотмывочной» деятельности.

Выводы

Таким образом, сегодня в российском праве вопрос правового регулирования отдельных видов профессиональных тайн на уровне отраслевых и специальных законов остается крайне актуальным и дискуссионным. Нотариальная и адвокатская тайны являются одними из наиболее ярких примеров законодательного молчания при регулировании института профессиональной тайны, которое приводит к практическим проблемам и столкновениям представителей разных профессиональных сообществ с государственными органами.

Изменения в «антиотмывочное» законодательство, внесенные ФЗ № 222-ФЗ, позволили разрешить коллизию норм, посвященных нотариальной тайне и порядку ее предоставления работникам Росфинмониторинга, однако обострили коллизию норм об адвокатской тайне и объеме сведений, ее составляющих.

Учитывая позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой одним из условий реализации права на квалифицированную юридическую помощь, предусмотренного ст. 48 Конституции РФ, является «обеспечение конфиденциальности информации,

¹ Подоприхин Д. Б. Актуальные проблемы института адвокатской тайны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2017. Т. 17. № 2. С. 114. DOI: 10.14529/law170221.

² См.: Каганер Г. С., Костромина К. Л., Курепин Д. В. Адвокат – не доносчик! // ЭЖ-Юрист. 2007. № 13; Буробин В. Легализация доносительства // Бизнес-адвокат. 2005. № 6.

³ См.: Щербакова Л. Г., Ткаченко Е. В., Фомичева Р. В. Проблемы правового регулирования и охраны института адвокатской тайны в России // Правовая культура. 2024. № 2. С. 38.

с получением и использованием которой сопряжено оказание юридической помощи, предполагающей по своей природе доверительность в отношениях между адвокатом и клиентом, чему, в частности, служит институт адвокатской тайны»¹, адвокат не вправе сообщать в Росфинмониторинг о сделках, операциях, предположительно или точно совершаемых с целью легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма, если данные о них стали известны в ходе оказания юридической помощи.

Однако полный отказ от предоставления членами адвокатского сообщества каких-либо сведений в Росфинмониторинг не только будет противоречить международным стандартам борьбы с отмыванием доходов и финансированием терроризма, но и может поставить под удар финансовую безопасность всего государства.

Соответственно, необходима конкретизация на уровне ФЗ № 63-ФЗ, какая конкретно информация, ставшая известной в процессе исполнения адвокатом профессиональной деятельности, подпадает под адвокатскую тайну, а какая, хотя и является конфиденциальной, имеет отличный правовой режим, позволяющий передавать такую информацию в уполномоченные государственные органы.

Вместе с тем решение вопроса о содержании адвокатской тайны при приоритете публичного интереса возможно путем внесения в ст. 8 ФЗ № 63-ФЗ изменений, аналогичных по своему смыслу и назначению изменениям, внесенным в ст. 5 Основ, т. е. разрешить вопрос по аналогии с нотариальной тайной. При этом необходима переработка подхода к пониманию адвокатской тайны через призму ФЗ № 115-ФЗ. Ввиду того что работники Росфинмониторинга при исполнении своих служебных обязанностей должны хранить ставшую им известной адвокатскую тайну, расширяется круг субъектов, обладающих адвокатской тайной и обязанных защищать ее от неправомерного доступа иных лиц, а значит, режим ее конфиденциальности по аналогии с нотариальной, аудиторской и банковской тайнами не нарушается. Соответственно, в целях сохранения объема адвокатской тайны, как любых сведений, и учета приоритета поддержания стабильности государственной финансовой системы и искоренения преступности абз. 1 п. 5 ст. 7.1 ФЗ № 115-ФЗ предлагается изложить в следующей редакции: «Предоставление адвокатами в уполномоченный орган информации, предусмотренной настоящей статьей, не является разглашением адвокатской тайны».

Такой подход также позволит избежать потенциального привлечения представителей адвокатского сообщества к юридической ответственности за неисполнение требований «антиотмывочного» законодательства или за разглашение адвокатской тайны.

Кроме этого, появляется возможность защитить представителей адвокатского сообщества от риска их привлечения к юридической ответственности как за нарушение требований ФЗ № 115-ФЗ, так и за разглашение адвокатской тайны, а также обеспечить равный уровень конфиденциальности, единый правовой режим информации, предоставляемой как нотариусами, так и адвокатами, составляющей предмет регулирования института профессиональной тайны, т. е. информации с однородным режимом доступа.

Список литературы

Алехина О. М. Проблемы обеспечения нотариальной тайны и ее уголовно-правовой охраны // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 1. С. 10–15.

Баландин А. А. Особенности управления рисками в сфере ПОД и ФТ: правовые проблемы, возникающие при исполнении нотариусами требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма // Обществознание и социальная психология. 2022. № 12-2 (42). С. 593–608.

Братановский С. Н. Правовые режимы и соотношение служебной и профессиональной тайны // Гражданин и право. 2013. № 1. С. 13–23.

Буробин В. Легализация доносительства // Бизнес-адвокат. 2005. № 6. URL: <https://centerbereg.ru/h2171.html> (дата обращения: 17.01.2025).

Васильев В. А. Понятие и признаки профессиональной тайны // Вестник ННГУ. 2021. № 3. С. 64–73. DOI: 10.52452/19931778_2021_3_64.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О «По жалобе граждан С. В. Бородин, В. Н. Буробина, А. В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Гришаев С. П. Право на неприкосновенность частной жизни // Гражданин и право. 2012. № 12. С. 11–29.

Дедиков С. В. Несистемные субъекты противолегализационного контроля // Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 97–128.

Каганер Г. С., Костромина К. Л., Курепин Д. В. Адвокат – не доносчик! // ЭЖ-Юрист. 2007. № 13. URL: <https://base.garant.ru/5343962/#text> (дата обращения: 17.01.2025).

Подоприхин Д. Б. Актуальные проблемы института адвокатской тайны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2017. Т. 17. № 2. С. 111–116. DOI: 10.14529/law170221.

Пузырев С. А. Тенденции деятельности ФАТФ по противодействию угрозам глобальной финансовой системе // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 302–306. DOI: 10.24411/2414-3995-2020-10205.

Сычев О. М. Институт нотариальной тайны не отменен! // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 7. С. 97–101.

Травников Н. О. Проблемы закрепления института служебной тайны в российской правовой системе // Российский юридический журнал. 2019. № 1. С. 103–109.

Щербак Л. Г., Ткаченко Е. В., Фомичева Р. В. Проблемы правового регулирования и охраны института адвокатской тайны в России // Правовая культура. 2024. № 2. С. 33–42.

References

Alyokhina O. M. (2016) Problemy obespecheniya notarial'noi tainy i ee ugovovno-pravovoi okhrany [Problems of ensuring notarial secrecy and its criminal law protection]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 1, pp. 10–15.

Balandin A. A. (2022) Osobennosti upravleniya riskami v sfere POD i FT: pravovye problemy, voznikayushchie pri ispolnenii notariusami trebovaniy zakonodatel'stva o protivodeistvii legalizatsii (otmyvaniyu) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma [Features of AML and CFT risk management: legal problems that arise when notaries comply with the requirements of legislation on countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism]. In *Obshchestvoznaniye i sotsial'naya psikhologiya*, no. 12-2 (42), pp. 593–608.

Bratanovskii S. N. (2013) Pravovye rezhimy i sootnosheniye sluzhebnoi i professional'noi tainy [Legal regimes and the ratio of official and professional secrecy]. In *Grazhdanin i pravo*, no. 1, pp. 13–23.

Burobin V. (2005) Legalizatsiya donositel'stva [Legalization of whistleblowing]. In *Biznes-advokat*, no. 6, available at: <https://center-bereg.ru/h2171.html> (accessed: 17.01.2025)

Dedikov S. V. (2020) Nesistemnye sub"ekty protivolegalizatsionnogo kontrolya [Non-systemic subjects of anti-legalization control]. In *Khozyaistvo i pravo*, no. 10, pp. 97–128.

Grishaev S. P. (2012) Pravo na neprikosновенnost' chastnoi zhizni [The right to privacy]. In *Grazhdanin i pravo*, no. 12, pp. 11–29.

Kaganer G. S., Kostromina K. L., Kurepin D. V. (2007) Advokat – ne donoschik! [A lawyer is not a scammer!]. In *EZH-Yurist*, no. 13, available at: <https://base.garant.ru/5343962/#text> (accessed: 17.01.2025)

Podoprikhin D. B. (2017) Aktual'nye problemy instituta advokatskoi tainy [Actual problems of the Institute of attorney-client privilege]. In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo*, vol. 17, no. 2, pp. 111–116.

Puzyrev S. A. (2020) Tendentsii deyatel'nosti FATF po protivodeistviyu ugrozam global'noi finansovoi sisteme [FATF's activities aimed at countering threats to the global financial system]. In *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti*, no. 3, pp. 302–306.

Shcherbakova L. G., Tkachenko E. V., Fomicheva R. V. (2024) Problemy pravovogo regulirovaniya i okhrany instituta advokatskoi tainy v Rossii [Problems of legal regulation and protection of the institute of attorney-client privilege in Russia]. In *Pravovaya kul'tura*, no. 2, pp. 33–42.

Sychev O. M. (2007) Institut notarial'noi tainy ne otmenen! [The institute of notarial secrecy has not been abolished!]. In *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, no. 7, pp. 97–101.

Travnikov N. O. (2019) Problemy zakrepleniya instituta sluzhebnoi tainy v rossiiskoi pravovoi sisteme [Problems of consolidating the institution of official secrecy in the Russian legal system]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 103–109.

Vasiliev V. A. (2021) Ponyatie i priznaki professional'noi tainy [The concept and signs of professional secrecy]. In *Vestnik NNGU*, no. 3, pp. 64–73.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2025

Дата принятия рукописи в печать: 20.09.2025